

Дуань Муфэн в два шага подхватил девочку и, обернувшись к мальчику, прикрикнул:

— Мелкий, ты чего творишь!

Вэнь Яньюй подошел к детям.

— Сяоху, зачем ты толкнул сестренку? Извинись перед ней.

Словно только сейчас осознав, что он натворил, Ван Сяоху застыл на месте, губы его едва заметно дрогнули.

Он перевел взгляд с Вэнь Яньюя, который все еще хлопотал над Ли Цяньхуа, на остальных ребят, с любопытством наблюдавших за происходящим, и на его лице отразилось смущение.

Не сдержавшись, он выкрикнул:

— Она просто безродная дикарка! Ну и что, что я съел ее конфеты! Она каждый день живет и ест у нас дома задаром!! Почему это мне нельзя их есть?! Ненавижу ее!

— Не буду я перед ней извиняться! Дикарка без отца и матери! Ненавижу ее больше всех!

— «Ушла», ага! Да просто умерла и никогда уже не вернется! Безродная ты дикарка!

Прокричав это, Ван Сяоху развернулся и бросился прочь со двора.

Ошарашенный этими словами, Вэнь Яньюй замер, дыхание перехватило; пальцы, сжатые в кулаки, до боли впились ногтями в ладони.

[Что за мерзкий пацан.]

[Твою ж мать! Паршивец! Кто его таким воспитал?!]

[Что случилось?]

[Мальчишка съел конфеты девочки, та это заметила, а он теперь взбесился от стыда.]

[Черт, больше всего на свете ненавижу таких вот невоспитанных детей.]

— Твою ж! — Дуань Муфэн не сдержался и выругался, поднимая с земли игрушку. — Кто этого паршивца учил?

Он нахмурился, аккуратно стряхнул пыль с куклы и снова сунул ее в руки молчаливого ребенка.

Вэнь Яньюй перевел дух и подтолкнул испуганных детей к старосте.

— Отведите, пожалуйста, ребят поесть, а я чуть позже приду вместе с Сяохуа.

Староста обвел взглядом малышей, которые всего за полдня преобразились, умылись и даже обзавелись новыми прическами, и кивнул Вэнь Яньюю.

Только когда детей увели, Вэнь Яньюй обернулся.

— Сяохуа, что случилось? Из-за чего вы с Сяоху поссорились? — Спросил он, присаживаясь на корточки и поправляя задрвшуюся на девочке одежду.

— Он съел шоколад, который ты мне дал, — ответила Ли Цяньхуа, крепко прижимая к себе игрушку, обиженно добавив:

— Я съела всего две конфетки и хотела оставить их на потом...

Но сладости, оставленные ею на краю стола, были тайком съедены.

Ли Цяньхуа сильно прикусила губу; приступ горечи и обиды разливался в глубине сердца.

— Вот оно что. Братец Сяоху поступил неправильно. Я чуть позже схожу к нему и попрошу, чтобы он перед тобой извинился. У меня есть еще много шоколадок, я принесу тебе новую пачку, хорошо?

Ли Цяньхуа опустила голову и не проронила ни звука.

До тех пор, пока в ее руку не легла новая упаковка конфет.

— Сяохуа, не нужно экономить, я взял с собой очень много сладостей.

Вэнь Яньюй погладил ребенка по голове.

Ли Цяньхуа лишь тихонько промычала в ответ, крепче сжимая пакетик со сладостями.

Они вдвоем медленно двинулись к выходу.

Дуань Муфэн неотступно следовал за ними.

Вэнь Яньюй быстро уловил подавленное настроение девочки. Слегка наклонив голову, он мягко спросил:

— Сяохуа, тебе грустно?

— Мне хорошо... — Ли Цяньхуа покачала головой, инстинктивно пытаясь отрицать негативные чувства в душе.

— Грустить - это нормально. Если съесть конфетку, настроение сразу улучшится, — ласково произнес Вэнь Яньюй, хотя на его лице не отражалось никаких эмоций.

К губам ребенка поднесли новую конфету; сладкий вкус шоколада наполнил рот, но привычное желание немедленно разжевать ее вдруг пропало.

Ли Цяньхуа замешкалась, а затем просто держала конфету во рту, позволяя ей таять медленно-медленно.

Она молча шла, опустив голову и посасывая сладость, и длилось это так долго, что ей уже стало казаться - он давно перестал обращать на нее внимание.

До тех пор, пока сладкий привкус во рту окончательно не исчез.

Вэнь Яньюй все так же молча держал ее за руку, неспешно уводя со двора. В ушах звенели цикады, журчал ручей, и летние пейзажи словно бы стояли прямо перед глазами.

Ли Цяньхуа невольно коснулась своих ничего не видящих глаз.

Взрослые вокруг постоянно твердили: если она будет послушной и вырастет, мама вернется.

Но она знала, что это не так.

Мама никогда не вернется.

И она больше никогда ничего не увидит.

В памяти еще хранились воспоминания о солнечном свете, о небе, она еще смутно помнила лицо мамы.

Но уже почти забыла.

— Я хочу увидеть, как ты выглядишь...

«И еще хочу увидеть маму».

Голос ребенка прозвучал едва слышно, почти как бормотание - тоска о навеки несбыточном желании.

Но в следующее мгновение шаги рядом замерли, и ее руку подняли и взяли в другую ладонь.

— Вот оно что. Тогда смотри на своего братика, — Вэнь Яньйой присел на корточки, и его мягкий голос, напоенный свойственной лету негой и нежностью, зазвучал прямо над ухом.

<http://bllate.org/book/18043/1732303>